

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Александр
Шаевич

Александр Шаевич
Последний рейс

«Автор»

2026

Шаевич А.

Последний рейс / А. Шаевич — «Автор», 2026

Контейнеровоз «Ахерон» встаёт на карантинный рейд порта Хайфы с мёртвым экипажем на борту. Официальная версия — эпидемия. Частный следователь Ари Бен-Ари, бывший офицер израильской разведки, поднимается на борт по заданию страховой компании, чтобы оценить материальный ущерб. Обычная процедура. Но первое же тело, найденное в трюме, не укладывается в диагноз инфекции. И чем глубже Ари копает, тем яснее понимает: гибель двадцати трёх моряков — не трагическая случайность, а тщательно спланированная операция прикрытия для груза, за которым одновременно охотятся государства с двух концов света. Между Ари и правдой встают собственный работодатель, чьи интересы оказываются куда сложнее простого страхового полиса, — и женщина, которую он не видел десять лет и которую теперь должен защитить ценой всего, что у него осталось. Карантинное судно превращается в запертую комнату посреди штормового моря. Часы тикают. И у каждой стороны в этой игре — своя цена победы.

© Шаевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Шавич

Последний рейс

Глава 1

Кабинет Элиаса Тори пах кожей и кондиционированным воздухом — той особой смесью, которая появляется только там, где деньги давно перестали быть проблемой. Ари Бен-Ари сидел напротив, на стуле чуть ниже, чем следовало бы для равного разговора, и уже по одному этому понимал: разговор не будет равным.

На стене за спиной Тори висели три диплома в одинаковых рамках — Тель-Авивский университет, курсы корпоративной безопасности в Лондоне, ещё что-то на иврите, слишком мелко, чтобы прочитать с такого расстояния. Ни одной личной фотографии. Ни семьи, ни собак, ни моря — ничего, что выдавало бы человека за пределами должности. Ари подумал, что либо у Тори действительно нет никакой жизни за пределами кабинета, либо он достаточно умен, чтобы никогда её здесь не показывать.

— Контейнеровоз «Ахерон», — сказал Тори, не поднимая глаз от папки. — Флаг Либерии. Пришёл из Пусана, должен был идти дальше на Пирей. Встал на карантинный рейд третьего дня. Весь экипаж — мёртв.

— Двадцать три человека, — уточнил Ари. Он уже прочитал сводку в такси, пока ехал в офис. Привычка бывшего оперативника — знать больше, чем показываешь.

— Двадцать три, — согласился Тори и наконец посмотрел на него. У него были светлые, почти прозрачные глаза — такие бывают у людей, которые давно научились не выдавать ничего лишнего. — Минздрав говорит: эпидемия. Что-то кишечное, привезли из порта в Юго-Восточной Азии. Дело закрыто с их стороны, судно на карантине до истечения инкубационного периода.

— И вам нужен я, чтобы оценить ущерб для страховки.

— Именно.

Ари помолчал, разглядывая собеседника. Он знал Тори три года — с тех пор, как начал брать заказы от GMT, чтобы закрыть долг, оставшийся после Лимассола. Три года он выплачивал его по частям, и Тори каждый раз находил для него новое дело ровно тогда, когда сумма на счету начинала выглядеть особенно неприлично. Совпадение, которое давно перестало казаться совпадением. Тори всегда говорил ровно, без пауз, без обмолвок. Человек, который просчитывает разговор на два хода вперёд и никогда не даёт собеседнику увидеть доску целиком.

— Странно, что вы выбрали меня, — сказал Ари. — У GMT есть штатные оценщики. Люди с лицензией, без репутации, которую нужно объяснять клиентам.

Тори чуть улыбнулся — ровно настолько, чтобы улыбка не показалась искренней.

— Штатные оценщики умеют считать тоннаж и амортизацию. Вы умеете находить то, что спрятано. А в этом деле, Ари, я подозреваю, что придётся именно искать.

— То есть вы уже не верите в кишечную инфекцию.

— Я верю в то, что мне нужен человек, который зайдёт на борт, посмотрит на цифры, подпишет отчёт для актуариев и уйдёт. — Тори закрыл папку. Жест был отработанным, как у человека, который привык завершать встречи одним движением руки. — Оценить ущерб, Ари. Не расследовать убийство. Если увидите что-то за пределами страхового интереса компании — это не ваша забота. Патологоанатомы и полиция разберутся сами.

— А если то, что за пределами интереса компании, окажется внутри трюма?

Тори не ответил сразу. Он взял ручку, покрутил её между пальцами — единственный жест, за все три года их знакомства выдававший хоть какое-то внутреннее движение. Ари отметил это про себя так же машинально, как отмечал бы направление ветра или расположение выходов в незнакомой комнате — привычка, которая осталась с ним куда дольше, чем сама служба.

— Тогда вы позвоните мне. Лично. Прежде чем звонить кому бы то ни было ещё.

Ари кивнул, хотя внутри уже отметил странность: слишком быстрый ответ для человека, который минуту назад говорил, что его не интересует ничего, кроме тоннажа.

— Хорошо. Я возьму дело.

— У вас есть выбор?

Вопрос был произнесён без злобы — просто как констатация факта, которую оба знали и без слов. Долг Ари перед GMT был не катастрофическим, но достаточным, чтобы компания могла сделать его жизнь неудобной одним звонком в банк. Тори никогда не напоминал об этом прямо. Ему и не нужно было.

— Выбор всегда есть, — сказал Ари, вставая. — Просто не всегда хороший.

Уже у двери он обернулся.

— Одна деталь. В сводке сказано, что последний штатный радиоконтакт с судном был зафиксирован за шесть часов до того, как портовая служба объявила тревогу. Шесть часов — долго для судна, идущего плановым маршрутом. Кто-то должен был заметить тишину раньше.

Тори посмотрел на него без всякого выражения.

— Возможно, у диспетчеров в тот день было много работы.

— Возможно, — сказал Ари и вышел.

Такси до порта заняло сорок минут по прибрежному шоссе, и всю дорогу Ари смотрел в окно, не столько разглядывая пейзаж, сколько прокручивая в голове разговор в кабинете Тори — не слова, а паузы между ними. Слишком быстрый ответ на вопрос про трюм. Слишком отработанный жест с ручкой. Человек, который двадцать лет учился ничего не выдавать лицом, редко забывает контролировать голос — а Тори на секунду забыл, и эта секунда стоила больше, чем весь остальной разговор.

Водитель такси включил радио — сводка новостей, что-то про очередное заседание кнессета, — и Ари выключил звук в голове, оставив только шум двигателя и мысль, которая крутилась настойчивее остальных: почему директор безопасности крупной страховой компании лично инструктирует полевого оценщика по рутинному делу об убытках, вместо того чтобы переслать распоряжение через секретаря.

Порт встретил его запахом соли, машинного масла и той особой смесью бюрократической духоты, которая скапливается вокруг любых государственных учреждений у моря. Администрация судоходства и портов занимала невзрачное здание в двух кварталах от причалов — и внутри было холоднее, чем снаружи, будто кондиционеры здесь работали не для комфорта, а чтобы напоминать посетителям о неумолимости процедуры.

— Вы понимаете, что такое карантинный протокол первого уровня? — спросил инспектор, молодой человек с усталыми глазами, которого явно назначили дежурить с этим делом не по своей воле. Он не поднимал взгляда от монитора, где на экране светился график санитарного контроля.

— Понимаю в общих чертах.

— Тогда вы понимаете, что доступ на борт ограничен строже, чем к любому режимному объекту в этой стране. — Инспектор наконец посмотрел на него. — Судно на внешнем рейде. Любой контакт — только в защитной экипировке, только с санкции Минздрава, только в сопровождении медицинского куратора. Никаких исключений для страховых оценщиков.

— Мне нужен доступ.

— Тогда вам нужен куратор. — Инспектор пролистал что-то в системе. — По этому делу назначена доктор Арис. Она сейчас на месте, в порту. Хотите — оставлю заявку, свяжется с вами в течение дня.

Ари ощутил лёгкий укол — имя, которое он не слышал десять лет, произнесённое буднично, как строчка в бюрократической форме.

— Сара Арис?

Инспектор пожал плечами, не заметив ничего странного в его тоне.

— Доктор Сара Арис, инспектор санитарного надзора. Знакомы?

— Когда-то, — сказал Ари. — Давно.

— Тогда вам повезло, — сказал инспектор, впервые за весь разговор отрываясь от монитора. — Она дотошнее всех остальных кураторов в администрации. Если она подписала санитарное заключение, значит, там всё чисто. Она таких вещей на бумаге не пропускает.

Ари промолчал, хотя эта случайная похвала прозвучала для него совсем не так, как рассчитывал инспектор. Дотошный человек, который тем не менее подписал заключение об эпидемии для судна, где, судя по всему, дело обстояло сложнее — это была не рекомендация, а первая трещина в официальной версии, которую Ари получил бесплатно, просто задав правильное имя в правильном месте.

Он вышел из здания администрации и остановился у ограждения, глядя на воду. Отсюда, с берега, «Ахерон» не был виден — он стоял слишком далеко, за линией внешнего рейда, там, где израильская бюрократия держала на карантине всё, что могло принести с собой невидимую угрозу. Судно было пятном на горизонте, серым силуэтом среди волн. Ари достал сигарету, не закуривая — просто вертел её в пальцах, привычка, оставшаяся с тех лет, когда он ещё курил, и возвращавшаяся всякий раз, когда дело начинало пахнуть не тем, чем должно было пахнуть на бумаге.

Шесть часов тишины перед тревогой. Куратор — женщина, которую он не видел десять лет и с которой их прошлое было устроено так, что о нём легче было не вспоминать. И директор безопасности страховой компании, который просил оценить ущерб, но при этом настойчиво просил звонить лично — прежде, чем звонить куда бы то ни было ещё.

Три детали, ни одна из которых не была случайной.

Он закурил всё-таки — первый раз за два года — и тут же затушил сигарету о край урны, не сделав больше одной затяжки. Достаточно, чтобы напомнить себе, зачем он бросил, и недостаточно, чтобы снова начать.

Ари достал телефон и набрал номер, который дал ему инспектор. Долгий гудок, потом ещё один. Наконец — голос, который он помнил лучше, чем хотел бы признать даже самому себе.

— Доктор Арис слушает.

— Сара, — сказал он. — Это Ари.

Пауза на другом конце линии была короче секунды, но достаточно длинной, чтобы он услышал в ней всё, что она не сказала вслух.

— Я слышала, что тебя могут прислать, — ответила она наконец, и голос её был ровным — слишком ровным для случайной встречи спустя десять лет. — Приходи в порт. Нам нужно поговорить, прежде чем ты поднимешься на борт.

— Сара, это просто оценка ущерба для страховой. Разговор много времени не займёт.

— Ты всегда так говорил перед делами, которые потом занимали месяцы, — сказала она, и в этой фразе было больше узнавания, чем ей, наверное, хотелось показать. — Приходи, Ари. И оставь этот тон для отчёта GMT — со мной он не работает.

Она отключилась раньше, чем он успел спросить, о чём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.